

Экспедиция Адама Лаксмана в колониальном конфликте на севере Тихого океана*

Александр Петров

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Adam Laxman's Expedition in the Colonial Conflict in the North Pacific**

Alexander Petrov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article examines the history of the emergence of official Russian-Japanese relations in the late eighteenth century. The work focuses on unique archival materials from the SARC, RSA of the Navy, MD RSL, RSAAA, etc. The article refers to collections of documents, works by V. N. Berkha and E. A. Bolkhovitinov, and modern authors. The author analyses the first contacts between Russia and Japan, which became the prerequisites for the 1792–1793 expedition of Adam Laxman to Japan. Also, he studies the role of Dembei, San'emon, Sōza, and Gonza, the first Japanese nationals who visited Russia, in the development of Russian-Japanese relations and the study of Japanese culture and the Japanese language in Russia. In light of the struggle for colonies in the North Pacific in the late eighteenth century, the article also considers a peaceful but quick way of establishing relations, characteristic of Russia at that time, opposed to Japan's desire to ritualise and slow down this process. The optimism, widely spread in the late eighteenth century in the establishment of trade and diplomatic relations, was fuelled, on the one hand, by numerous petitions from merchants with a request to establish trade with Japan and, on the other hand, by the desire of the state to win the struggle for spheres of influence in the North Pacific, in which Great Britain actively participated in the 1790s. Despite the success of

---

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–00043 в Институте всеобщей истории РАН.

** Citation: Petrov, A. (2023). Adam Laxman's Expedition in the Colonial Conflict in the North Pacific. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 821–833. DOI 10.15826/qr.2023.3.820.

Цитирование: Petrov A. Adam Laxman's Expedition in the Colonial Conflict in the North Pacific // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 821–833. DOI 10.15826/qr.2023.3.820 / Петров А. Экспедиция Адама Лаксмана в колониальном конфликте на севере Тихого океана // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 821–833. DOI 10.15826/qr.2023.3.820.

Adam Laxman's expedition, this approach to establishing international relations between countries was not to be preserved, and by the middle of the nineteenth century, it was replaced by a military-coercive one.

Keywords: Adam Laxman, Russian-Japanese relations, colonialism, Japan, trade relations

Рассматривается история зарождения официальных российско-японских отношений в конце XVIII в. В работе сделан акцент на использовании уникальных архивных материалов, выявленных автором в ГАРК, РГА ВМФ, ОР РНБ, РГАДА и др. Используются сборники документов, работы В. Н. Берха, Е. А. Болховитинова и современных авторов. Приводится анализ первых контактов между Россией и Японией, ставших предпосылками к состоявшейся в 1792–1793 гг. экспедиции Адама Лаксмана в Японию. Анализируется роль японцев, первыми побывавших в России, а именно Дэмбэя, Сангэмона, Содзы и Гондзы, в развитии российско-японских отношений и изучении в России японской культуры и японского языка. В свете борьбы за колонии на севере Тихого океана в конце XVIII в. проанализирован характерный для России того времени мирный, но быстрый способ установления отношений, который противопоставлен стремлению Японии ритуализировать и замедлить данный процесс. Показано, что свойственный концу XVIII в. оптимизм в установлении торговых и дипломатических отношений подогревался, с одной стороны, многочисленными прошениями купцов установить торговлю с Японией, с другой – стремлением государства выиграть борьбу за сферы влияния на севере Тихого океана, в которую в 90-е гг. XVIII в. активно включилась Великобритания. Несмотря на определенный успех экспедиции Адама Лаксмана, данный подход к установке международных отношений между странами не сохранится, а к середине XIX в. сменится на военно-принудительный.

Ключевые слова: Адам Лаксман, российско-японские отношения, колониализм, Япония, торговые отношения

Прошло 230 лет с момента экспедиции Адама Лаксмана в Японию в 1792–1793 гг., но актуальность ее изучения остается высокой, особенно в свете переосмысления роли и значения России в истории Азиатско-Тихоокеанского региона. Опыт первых государственных устремлений открыть Японию для связи с Российской империей важно учитывать и в настоящее время. Влияние традиционных российских и японских культурных ценностей, различное их когнитивное наполнение, а также усилившаяся борьба за раздел сфер в конце XVIII в. требуют внимательного прочтения первых глав истории российско-японских отношений.

Литература о путешествии Адама Лаксмана в Японию достаточно обширна как в России, так и за рубежом. Между тем аспект понимания плавания Лаксмана в контексте обострения борьбы за территории и сферы влияния на севере Тихого океана остался без должного

внимания. Для нас не стоит задача подробно рассмотреть ход самой экспедиции; информацию об этом можно найти в специальных работах. Но остановиться на предваривших плавание Лаксмана связях с Японией, показать причины и результаты плавания, обратив внимание на новые выявленные нами архивные документы, представляется актуальным.

Несколько слов об источниках. Среди опубликованных можно выделить материалы архива кн. Воронцова, который в полном виде может быть получен в читальном зале научно-исторического архива СПбИИ РАН [НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 609]. Кроме того, по данной экспедиции имеются публикации В. Н. Берха и Е. А. Болховитинова, писавших в XIX в. и пользовавшихся ныне утраченными документами.

Отдельные документы опубликованы во втором томе ИРТО [ИРТО]. В РГА ВМФ в картотеке «Научные экспедиции и кругосветные плавания» имеется подбор документов «Экспедиция А. К. Лаксмана и Г. Ловцова в Японию на тр. Екатерина» (1792–1793)». Это материалы ф. 198 (канцелярия адмирала Кушелева), ф. 179 (документы из морской части, переданные из кабинета Екатерины II, д. 131) и др.

Журнал посольства А. Лаксмана частично опубликован. В 1920-х гг. в Крыму была обнаружена копия этого документа, которая была направлена А. А. Преображенскому. Пожалуй, впервые на данные материалы указывал еще С. Н. Марков. В дальнейшем в этом архиве нам удалось найти наиболее полную копию дневника А. Лаксмана XVIII в. о его путешествии в Японию. В документе имеются важные сведения об истории вопроса и даются отсылки к первой четверти XVIII в. [ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 2034].

По дневнику Лаксмана можно установить, что интерес к Японии стал активно появляться еще в XVII в., когда об этой стране узнали от японских мореплавателей, потерпевших кораблекрушение и доставленных в Иркутск. Одни из первых зафиксированных контактов между японцами и русскими произошли в 1695–1697 гг., когда судно японского купца Дэмбэя, шедшее из Мияко в Эдо, в результате шторма прибило к Камчатке. Этой встречей воспользовался находившийся там якутский казак В. В. Атласов, который уговорил Дэмбэя последовать с ним в Москву. В портфелях Миллера частично сохранились интересные заметки Атласова [РГАДА. Ф. 199. Портфель 511. II. Тетрадь 6. Л. 7–87].

Дэмбэй остался в Москве и стал служить в Артиллерийском приказе переводчиком. Он в достаточной степени освоил русский язык и составил описание Японии для царских властей. В 1702 г. он получил аудиенцию Петра I. Царь не принуждал японца принять православие и обещал отпустить его на родину, но лишь после того, как тот научит японскому языку «робят человек четырех или пяти». Однако Дэмбэй так и не вернулся в Японию, а к 1710 г. принял в крещении имя Гавриил и хлопотал об открытии школы переводчиков. Помощником Дэмбэя стал японец Санъэмон (Санима).

Как сообщает Г. Миллер, в 1734 г. в Петербург были доставлены двое японцев, которые потерпели крушение на берегах Камчатки, Содза и Гондза. Существует мнение, что их именами были Содзаэмон и Гондзаэмон. По указу Анны Иоанновны они были назначены в Академию наук, при которой была основана школа японского языка. К 1739 г. они успели составить первые пособия по японскому языку под руководством помощника библиотекаря А. И. Богданова.

На более высоком государственном уровне первый проект установления русско-японских отношений подал В. Беринг в 1730 г. во время подготовки Второй Камчатской экспедиции. По его мнению, было необходимо проводить систематические поиски японцев, которые в результате кораблекрушений оказывались на Камчатке и Курильских островах, после чего использовать их возвращение как предлог для завызывания равноправных дружественных отношений с Японией.

В дальнейшем к Японии проявляли интерес иркутские губернаторы И. В. Якоби, И. А. Пиль, купцы Г. И. Шелихов, И. Л. Голиков, С. Киселев, П. С. Лебедев-Ласточкин и др. [Преображенский, с. 135–136]. Их предложения повторяли инициативу Беринга по возвращению японцев на родину и были связаны с периодами активизации русско-китайских отношений. Купцы в своих обращениях опирались на опыт торговли с Китаем, с которым на начальном этапе первых посольств имелись серьезные сложности [Петров, Грузинов]. Кроме того, представления о структуре китайской и японской торговли были схожими, чем и объясняется интерес к торговле со Страной восходящего солнца [Там же].

К 80-м гг. XVIII в. сибирские купеческие компании, занятые пушной торговлей на Алеутских островах, были заинтересованы в торговле с Японией, что поддерживалось местной администрацией и центральным правительством. Планировалось обезопасить российский промысел и установить обмен пушнины на продовольствие и другие товары из Японии. Продолжились попытки завязать торговлю с Японией, которые носили неофициальный характер и исходили в основном от сибирского купечества в лице П. С. Лебедева-Ласточкина, Лосева и др. [ОР РНБ. Ф. 73. Д. 73. Л. 1–11 об.]. Правительство вновь обратило внимание на Японию при подготовке экспедиции под руководством И. И. Биллингса, в задачу которой входило изучение омывающих Японию вод. Но результаты этой экспедиции оказались весьма скромными. Следующей планировавшейся экспедиции под руководством Г. И. Муловского предписывалось отправиться на остров Матмай (Хоккайдо), где не так строго соблюдались законы изоляции, и местные жители уже имели опыт торговли с русскими. Однако задуманное не было осуществлено.

Во второй половине XVIII в. сложились предпосылки к установлению русско-японских отношений. Происходило сближение границ, развивались товарно-денежные отношения, и росли потребности населения удаленных территорий России, так же как и северных рай-

онов Японии. Россия стала тихоокеанской державой и стремилась найти сильного союзника, открытого для нее в торговле. Япония в России рассматривалась не как колония, но как торговый партнер. Считалось, что русско-японские связи будут способствовать росту благосостояния и развитию Дальнего Востока. Доставка товаров из Иркутска, Якутска и Санкт-Петербурга была длительной и дорогостоящей, а из Японии представлялась выгодной. В перспективе планировалось включить в этот товарооборот Китай.

К середине XVIII в. в Англии, Испании, Франции и России приходит понимание того, что доминирование на севере Тихого океана возможно при включении Японии в рыночные отношения и налаживании с ней торговли. Испания, стремившаяся к доминированию в регионе так же, как и Япония, проводила политику изоляционизма в собственных колониях в Калифорнии, что явно препятствовало развитию мирового торгового оборота. Франция была занята проблемами на Атлантическом побережье. Великобритания же значительно активизировала свои усилия в отношении Японии.

Изменения в экономике Великобритании, вызванные огораживанием и активным развитием сначала легкой, а затем и других видов промышленности, приводят к резкому росту торговли и стремлению этой страны к выявлению новых рынков и завоеванию колоний. При этом наблюдается тенденция, с одной стороны, обрести новые свободные территории, а с другой – отвоевать для себя особое, привилегированное положение во взаимодействии с Китаем и Японией. Данная активизация приводит к включению территорий Тихого океана в мировой торговый оборот. Этот оборот осложнялся определенной изоляцией Китая и практически полной изоляцией Японии.

После экспедиции Миддлтона в 1741 г. первая серьезная попытка утверждения влияния Англии на севере Тихого океана была принята третьей экспедицией Кука (1776–1787). Решению амбициозных задач помешали гибель ее капитанов и вдохновителей Дж. Кука и Ч. Клерка и противодействие русских промышленников компании Голикова – Шелихова. Отказавшись от чрезмерно амбициозных задач за дальностью территорий и получив сообщения о том, что Алеутские острова и часть побережья Аляски уже находятся в зоне русского влияния и колониальных устремлений, Англия пыталась наладить взаимодействие с Японией. В 1791 г. Дж. Колнетт на корабле «Аргонавт» попытался достичь поставленной цели. Эта попытка стала неудачной. Но в Англии не отказались от дальнейших усилий, коммерческие английские суда и дальше стали появляться у берегов Японии с целью включить это государство в регулярный товарооборот.

26 февраля 1791 г. проживавший в Иркутске Э. Г. Лаксман направил президенту Коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову «Представление о японском торге». В данном документе обосновывалась важность направления экспедиции в Японию для того, чтобы установить торговые отношения с этой страной и составить конкуренцию за-

падноевропейским державам. Он предложил своего сына Адама в качестве руководителя экспедиции. Лаксман отметил аспект борьбы за территории на Тихом океане, указав на связь отношений с Японией и Китаем и развития речных и морских торговых путей: «Наши владения и торговля на Тихом море без сего сообщения всегда пребудут маловажными» [ИРТО, с. 287].

Для становления отношений с Японией было предложено использовать возвращение на родину японцев, попавших в Россию из-за кораблекрушений. В Нагасаки уже имелась голландская фактория, поэтому возвращение было запланировано через Северную, а не Южную Японию. Э. Лаксман информировал Воронцова о том, что японцы нуждаются в пушнине, а русские купцы заинтересованы в японских тканях и посуде. 13 сентября 1791 г. был подписан указ об организации экспедиции в Японию с целью возвращения японцев на родину. Руководителем будущей экспедиции был назначен один из сыновей Лаксмана А. Э. Лаксман [Черевко, с. 117]. Интересно, что в качестве морского офицера назначить на судно «Екатерина» предлагалось не голландца и не англичанина [Берх, с. 4–5].

В основу указа Екатерины II от 13 сентября 1791 г. «О установлении торговых сношений с Япониею» был положен проект Э. Лаксмана. Экспедицию планировали отправить от имени генерал-губернатора И. А. Пиля: «Мы надеемся в прочем на усердие и радение Ваше»; тем самым на случай неудачного визита отмечался ее региональный характер, но также Екатерина II хотела избежать подозрений Англии и Нидерландов относительно активизации политики России на Дальнем Востоке [Файнберг, с. 53]. Гриф особой секретности, как в случае с отдельными экспедициями на север Тихого океана, отсутствовал, равно как и указания на то, как требуется себя вести в ситуациях столкновений с представителями европейских держав в ходе плавания и в самой Японии. Вместе с тем в указе подчеркивалось, что никакому европейскому народу «нет столько удобностей к тому, как российскому, в рассуждении ближайшего по морю расстояния и самого соседства» [ИРТО, с. 303].

Требовалось провести переговоры с японским правительством об установлении добрососедских отношений и торговли между Россией и Японией. По императорскому рескрипту в цели экспедиции наряду с чисто практическими задачами по установлению торговых сношений входили еще и научные – астрономические, физические, географические наблюдения и исследования [Новиковский, с. 49–52].

13 сентября 1792 г. экспедиция под руководством поручика Адама Лаксмана на судне «Святая Екатерина» под командой штурмана «ранга прапорщика» Василия Ловцова вышла из Охотска [ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 2034. Л. 4]. 9 октября экспедиция прибыла в залив Нэмуру у северо-восточной оконечности Хоккайдо. Глава японского правительства направил на переговоры с российским посольством полномочных чиновников центрального правительства, что явилось

успехом экспедиции Лаксмана. Участникам экспедиции было объявлено, что для передачи японцев и переговоров с официальными уполномоченными правительства бакуфу им надлежит ехать сухим путем в Мацумаэ. Но А. Лаксману удалось добиться разрешения следовать в Мацумаэ морем в сопровождении японского корабля. 4 июля миссия прибыла в Хакодатэ, а оттуда по суше отправились в Мацумаэ [Карташов, с. 50–51].

«Екатерине» был запрещен доступ в гавань столицы, подарки и письма японцы также отказались принять, но, чтобы отблагодарить за возвращенных на родину японцев и выдать русским письменную лицензию на прибытие их судна в Нагасаки для переговоров о торговле и по другим вопросам [Черевко, с. 130], сегунское правительство допустило пребывание Лаксмана и команды его корабля в Японии как гостей [Файнберг, с. 67]. Между тем есть мнение, что японцы, давая разрешение Лаксману, добивались его скорейшего ухода из Японии [ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 389].

Помимо дипломатических задач, экспедиция осуществила научную часть поставленных перед ней целей. Была проведена работа по изучению флоры, фауны, географии, жизни местных жителей и т.п.

8 сентября «Екатерина» вернулась в Охотск после года отсутствия, а 24 января 1794 г. Лаксман прибыл в Иркутск.

Генерал-губернатор Пиль положительно оценил результаты экспедиции и ходатайствовал о награждении ее участников. Он писал Екатерине II «О награждении Адама Лаксмана»:

...Бывшему в той экспедиции начальником поручику Адаму Лаксману чин коллежского асессора с жалованием от 450 р. на год до определения к месту тому сообразному и с выдачею ему не полученного жалования издержанных на чрезвычайные расходы денег, також за отдание им для казенного употребления сорочинское пшено и саблю, данные ему от японскаго [РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. Ч. 2. Л. 181].

10 августа 1795 г. Екатерина II дала указ Сенату о награждении участников этой экспедиции. Пиль высказывал мнение о необходимости воспользоваться предоставленной возможностью и организовать новую экспедицию в Японию для установления торговых отношений между обеими державами в Нагасаки. Полученная лицензия стала юридическим обоснованием для отправки в Японию русских посольств, а также ускорила основание русской колонии на Урупе. Одним из результатов экспедиции стали предложения Г. И. Шелихова по заселению южных Курильских островов. Голикову и Шелихову удалось заинтересовать правительство проектом заселения Урупа и установлением отношений с Японией через южные Курильские острова. Пиль также предложил идею создания компании для торговли с Японией, в которую вошли бы все русские купцы. Также он предлагал вариант объединения с голландцами в торговых отно-

шениях с Японией, чтобы тем самым не допустить проникновения англичан в регион [Черевко, с. 136]. Причины отсутствия видимого успеха посольства заключались, по его мнению, в политике, которую проводило в тот период японское правительство; Пиль уведомил императрицу о том, что руководители экспедиции, насколько позволяли обстоятельства, выполнили возложенные на них обязательства, проявив усердие в порученном им деле [Там же, с. 135–136].

Экспедиция Лаксмана показала мирные намерения России в отношении Японии и оставила добрую память на японской земле. Русские смогли завоевать симпатии японцев, которые тепло отзывались о Лаксмани и бережно хранили привезенные им подарки. Вернувшись на родину японцы способствовали преодолению устоявшегося в Японии страха экспансии русских на юг [Мартынов и др., с. 444–445]. В Японии стала укрепляться точка зрения об установлении добрососедских отношений с Россией и получении от нее достоверных сведений напрямую, а не от голландцев, которые имели монополию на торговлю с Японией и не были заинтересованы в появлении конкурентов. А. Лаксман узнал от японских чиновников, что голландцы им описывали российский народ в негативном ключе, давали искаженные сведения о России. Поэтому, узнав о российском посольстве, японцы изначально не поверили, что оно было дружественным. Но, собрав истинные сведения, без сомнения, разрешили продолжить русским дальнейший путь по Японии. Также японцы отметили, что голландцам будет неприятно российско-японское сближение, хотя японцам ближе и удобнее будет торговать с русскими, чем с голландцами, тем более на русском корабле имелись почти все необходимые для них товары [Евгений, с. 11]. Россия вызывала у голландцев опасения, так как ее владения вплотную приблизились к Японии, а также потому, что другие европейские державы рассчитывали использовать Россию как таран, способный пробить изоляцию Японии от внешнего мира [Черевко, с. 124].

В настоящее время продолжается дискуссия о том, насколько экспедиции удалось достичь желаемых для России результатов. Так, авторы одной из новейших публикаций об экспедиции А. Лаксмана называют ее скорее успешной, но полагают, что излишняя осторожность российской стороны (инструкция, данная А. Лаксману, предписывала возвращаться в Россию сразу после дипломатических переговоров в столице) помешала немедленному подписанию торгового договора [Мартынов и др.]. Файнберг и Черевко, рассматривая вопрос о русско-японских отношениях, в целом оценивают результаты экспедиции Лаксмана положительно. Отдельные исследователи видят причиной отсутствия явного успеха Лаксмана четкое следование японцами своим законам и ритуалам. При этом отмечают, что «Официальное предостережение», выданное Лаксману, носило ситуативный характер: японские власти постулировали следование издавна действовавшим государственным законам основой своего курса, допуская при этом его гибкость

[Щепкин, Карташов, с. 179–180]. Автор фундаментальной монографии о становлении русско-японских связей исследователь из Австралии Д. Уэллс позитивно оценивает экспедицию Лаксмана в контексте времени русского открытия Японии, который, по его мнению, занял период в 130 лет до начала XIX в. [Wells, p. 176].

Мы полагаем, что мнение иркутских властей о путешествии А. Лаксмана было все же чрезмерно оптимистичным. Это привело к заблуждению в Санкт-Петербурге, что якобы Япония готова установить дипломатические отношения с Россией, и важно лишь придать им должный государственный уровень с соблюдением нужных ритуалов, как в случае с посольством в Китай. Перенесение опыта дипломатических связей с Китаем конца XVIII в. на японскую почву стало ошибочным. Экспедиция А. Лаксмана показала, что Япония была открыта к постепенным и ограниченным переговорам по установлению торговых отношений через систему проверок и соблюдение ритуалов. Россия же стремилась к быстрому решению всех вопросов, значительному товарообороту, получению преференций, полагаясь на фактор пограничья. Между тем Япония не была столь заинтересована в получении пушнины в больших объемах, как и других российских товаров, с которыми была мало знакома. Кроме того, несмотря на близость к Камчатке, сухопутное пограничье, как в случае с Китаем, отсутствовало. С Японией, по сути, было достигнуто лишь общее понимание о возможных связях, но отсутствовала конкретная договоренность о методах, сроках и взаимных государственных интересах в этом процессе.

В целом влияние субъективных факторов в виде молодости и отсутствия опыта А. Лаксмана и вынужденного высокомерия японских чиновников нивелировалось достаточно благожелательным настроем и пониманием обеими сторонами необходимости учитывать национальные особенности при ведении переговоров.

Экспедиция А. Лаксмана показала серьезность намерений России по продвижению своих интересов на севере Тихого океана, что привело к тому, что Англия, Испания, Франция на длительное время отказались от направления официальной дипломатической миссии, ограничиваясь частными плаваниями и сосредоточившись при этом на вытеснении голландцев. Положительными результатами плавания стали опыт культурного взаимодействия, знакомство (хотя и ограниченное) с историей, политическим и государственным устройством Японии и понимание того, что со Страной восходящего солнца можно вести переговоры.

Отдельно хотелось бы сказать об обмене географическими сведениями. Лаксман поделился с Японией известной на тот момент информацией по географии Тихого океана. В ответ японцы предоставили Лаксману свои карты, выполненные на тончайшей рисовой бумаге. Эти карты сохранились в РГА ВМФ и практически не использовались исследователями; они были выявлены нами в гидрографическом де-

партаменте ВМФ. Эти изображения требуют внимательного всестороннего изучения, особенно японистами, так как многие из них сопровождаются многочисленными иероглифами. Мы установили, что часть иероглифов – китайские. Надписями преимущественно были отмечены территории и изображения Китая. На картах достаточно точно показаны Азиатская часть Российской империи (имеются иероглифы основных городов и российских поселений), Китай, Камчатка и Курильские острова, но самое важное то, что после их изучения можно прийти к выводу, что японцы были хорошо осведомлены о плавании Беринга и экспедициях конца XVII – начала XVIII в. и указали их маршруты на картах [РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 139. Л. 62].

Лаксман получил чертежи домов и даже крепостей, на которых отмечены планы возможной осады. На этих рисунках четко просматриваются особенности японской архитектуры и наличие фортификационных сооружений. По ним можно составить достаточно хорошее впечатление об уровне военных знаний японцев [Там же. Л. 9–13].

В Иркутске в конце XVIII в. достаточно популярной оставалась идея установить лишь коммерческие отношения с Японией, полагаясь на те разрешения японцев, которые, как казалось, получил Лаксман. В 1793–1794 гг. с предложением к иркутскому генерал-губернатору о развитии торговли с Японией выступил Шелихов, который отметил обострение борьбы за преференции от Японии между Россией и западными державами:

Прошу от Вашего высочества прощения, что я двукратно уже дерзнул нанести беспокойство особе Вашей моими письмами касательно посланной в Японию экспедиции...осмеливаюсь еще одну поднесть... заключающую в себе рассуждения о последствиях помянутой экспедиции [РГА ВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 131. Л. 208–209].

С предложением по развитию связей с Японией вскоре выступил Э. Лаксман. До этого он согласовал свой план с богатыми купцами Киселевыми, Алексеем Полевым и Власом Бибиковым. В 1795 г. последовало обращение Лаксмана к Екатерине II. Данный документ не опубликован и не известен исследователям, но его содержание весьма любопытно. Э. Лаксман предлагает Екатерине II совсем скромный по сравнению с экспедицией Адама Лаксмана план развития отношений с Японией. Это, можно сказать, был даже шаг назад по сравнению с экспедицией А. Лаксмана. Предлагалось на купеческом судне следовать строго в Нагасаки [Там же. Л. 211–211 об.]. Предлог – возвратить очередных потерпевших кораблекрушение японцев на родину, чтобы «японское правительство и народ... мог заметить... совершеннейшее безопасность и покровительство» [Там же]. Эта переписка показывает, что среди купечества в Иркутске нарастала борьба за то, кто же получит преференции от государства по взаимодействию с Японией.

Однако в Санкт-Петербурге сохранился принцип мирного, но быстрого и всеобъемлющего способа установления одновременно и торговых, и дипломатических отношений. Приверженность этому принципу показало кругосветное путешествие под руководством Н. П. Резанова, в ходе которого была предпринята попытка установить официальные отношения с Японией уже на уровне императоров. Мирный фактор со стороны России в середине XIX в. сменился на военно-принудительный, что вылилось в направление эскадры Путятина в контексте обострения противостояния держав в борьбе за сферы влияния в Японии.

Библиографические ссылки

Берх В. Н. Путешествие в Японию Адама Лаксмана : Отрывок из истории географических открытий россиян, составляемой В. Н. Берхом, помещенный в № 3-м Северного архива на 1822 год. СПб. : Тип. Н. Греча, 1822. 32 с.

ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 2034. Журнал путешествия А. Лаксмана в Японию, 1791–1793.

Евгений (Болховитинов), митр. Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана. М. : Тип. П. Бекетова, 1805. 30 с.

ИРТО – Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. / ред. А. Л. Нарочницкий и др. М. : Наука, 1989. Т. 2. 287 с. (Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. : сб. док. : в 5 т.).

Карташов К. М. Журнал русской экспедиции в Японию, с приложением переписки командира экспедиции с береговыми властями о разрешении входить в японские гавани и высадки экипажа на берег как источник по экспедиции А. К. Лаксмана (1792–1793 гг.) // Японские исследования. 2017. № 4. С. 50–51. DOI 10.24411/2500-2872-2017-00028.

Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А., Рахматуллина Р. Р. Экспедиция Адама Лаксмана и начало японо-российских отношений в XVIII в. // Современные востоковедческие исследования. 2021. Т. 3, № 3. С. 440–448. DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-430-439.

НИА СРБИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 609.

Новаковский С. И. Япония и Россия. Токио : Т-во «Восток», 1918. [Ч. 1]. 210 с.

ОР РНБ. Ф. 73 (Бильбасов В. А., Краевский А. А.). Д. 73. Л. 1–11 об. Сведения об отправлении в 1775–1777 гг. купцами Лебедевым-Ласточкиным и Шелеховым судов к острову Матмаю и о торговых опытах в Японии. Извлечено статским советником Лосевым; Ф. 152 (Военский К. А.). Оп. 1. Д. 389. Отрывок из наших отношений с Японией. Экспедиция поручика Адама Лаксмана в Японию в 1792 г. Неизвестный автор, начало XX в.

Петров А. Ю., Грузинов И. И. Русско-китайские торговые отношения и развитие пушного промысла на севере Тихого океана, конец XVII – первая треть XVIII в. // Российская история. 2022. № 5. С. 65–77. DOI 10.31857/S0869568722050065.

Преображенский А. А. Первое русское посольство в Японию // Исторический архив. 1961. № 4. С. 113–148.

РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. Ч. 2. Л. 181. Донесение Пиля Екатерине II, 28 февраля 1794 г.; Ф. 179. Оп. 1. Д. 131. Л. 208–209. Г. И. Шелихов – И. А. Пилю, 8 марта 1794 г.; Л. 211–211 об. К. Лаксман – Екатерине II, 5 декабря 1795; Ф. 1331. Оп. 4. Д. 139. Л. 9–13. Девять планов крепостей, взятых из японской гражданской архитектуры», Япония, вторая половина XVIII в.; Л. 62. Карты, представляющие острова Камчатские, Курильские и прочие, Япония, вторая половина XVIII в.

РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера). Портфель 511. II. Тетрадь 6.

Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М. : Изд-во вост. лит., 1960. 312 с.

Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX века. М. : Наука, 1999. 255 с.

Щепкин В. В., Карташов К. М. «Ритуал и закон»: прием экспедиции Адама Лаксмана в Японии // Япония : ежегодник. 2017. № 46. С. 169–180.

Wells D. The Russian Discovery of Japan, 1670–1800. N. Y. : Routledge, 2021. 176 p.

References

Berkh, V. N. (1822). *Puteshestvie v Yaponiyu Adama Laksmana. Otryvok iz istorii geograficheskikh otkrytii rossiiyan, sostavlyaemoi V. N. Berkhom, pomeshchennyi v № 3-m Severnogo arkhiva na 1822 god* [Adam Laxman's Journey to Japan. An Excerpt from the History of the Geographical Discoveries of Russians, Compiled by V. N. Berkh, Placed in No. 3 of the Northern Archive for 1822]. St Petersburg, Tipografiya N. Grecha. 32 p.

Cherevko, K. E. (1999). *Zarozhdenie russko-yaponskikh otnoshenii XVII–XIX veka* [The Origin of Russian-Japanese Relations in the 17th–19th Centuries]. Moscow, Nauka. 255 p.

Evgenii (Bolkhovitinov), Metropolitan (1805). *Izvestie o pervom rossiiskom posol'stve v Yaponiyu pod nachal'stvom poruchika Adama Laksmana* [News about the First Russian Embassy to Japan under the Command of Lieutenant Adam Laxman]. Moscow, Tipografiya P. Beketova. 30 p.

Fainberg, E. Ya. (1960). *Russko-yaponskie otnosheniya v 1697–1875 gg.* [Russian-Japanese Relations in 1697–1875.]. Moscow, Nauka. 312 p.

GARK [State Archive of the Republic of Crimea]. Stock 535. List 1. Dos. 2034. Zhurnal puteshestviya A. Laksmana v Yaponiyu, 1791–1793.

IRTO – Narochnikskii, A. L. et al. (Eds.). (1989). *Issledovaniya russkikh na Tikhom okeane v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Russian Research in the Pacific Ocean in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Nauka. Vol. 2. 287 p. (Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov v 5 t.)

Kartashov, K. M. (2017). Zhurnal russkoi ekspeditsii v Yaponiyu, s prilozheniem peregovornykh komandira ekspeditsii s beregovymi vlastyami o razreshenii vkhodit' v yaponskie gavani i vysadki ekipazha na bereg kak istochnik po ekspeditsii A. K. Laksmana (1792–1793 gg.) [Journal of the Russian Expedition to Japan, with the Appendix of the Correspondence of the Expedition Commander with the Coastal Authorities on Permission to Enter Japanese Harbours and Land the Crew on the Shore as a Source on the Expedition of A. K. Laxman (1792–1793)]. In *Yaponskie issledovaniya*. No. 4, pp. 50–51. DOI 10.24411/2500-2872-2017-00028.

Martynov, D. E., Martynova, Yu. A., Rakhmatullina, R. R. (2021). Ekspeditsiya Adama Laksmana i nachalo yaponno-rossiiskikh otnoshenii v XVIII v. [The Expedition of Adam Laxman and the Beginning of Japanese-Russian Relations in the 18th Century]. In *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya*. Vol. 3. No. 3, pp. 440–448. DOI 10.24412/2686-9675-3-2021-430-439.

NIA SPbII RAN [Scientific and Historical Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 36. List 1. Dos. 609.

Novakovskii, S. I. (1918). *Yaponiya i Rossiya* [Japan and Russia]. Tokyo, Tovarishestvo “Vostok”. Part 1. 210 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 73 (Bil'basov V. A., Kraevskii A. A.). Dos. 73. P. 1–11 v. Svedeniya ob otpravlenii v 1775–1777 godakh kuptsami Lebedevym-Lastochkinym i Shelekhovym sudov k ostrovu Matmayu i o torgovykh opytakh v Yaponii. Izvlecheno statskim sovetnikom Losevym; Stock 152 (Voenskii K. A.). List 1. Dos. 389. Otryvok iz nashikh otnoshenii s Yaponiei. Ekspeditsiya poruchika Adama Laksmana v Yaponiyu v 1792 g. Neizvestnyi avtor, nachalo XX v.

Petrov, A. Yu., Gruzinov, I. I. (2022). Russko-kitaiskie torgovye otnosheniya i razvitie pushnogo promysla na severe Tikhogo okeana, konets XVII – pervaya tret' XVIII v. [Russian-Chinese Trade Relations and the Development of Fur Trade in the North of the

Pacific Ocean, Late 17th – First Third of the 18th Centuries]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 65–77. DOI 10.31857/S0869568722050065.

Preobrazhenskii, A. A. (1961). Pervoe russkoe posol'stvo v Yaponiyu [The First Russian Embassy to Japan]. In *Istoricheskii arkhiv*. No. 4, pp. 113–148.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 199 (Portfel' G. F. Millera). Portfel' 511. II. Tetr. 6.

RGA VMF [Russian State Archive of the Navy]. Stock 172. List 1. Dos. 408. Part 2. P. 181. Donesenie Pilya Ekaterine II, 28 fevralya 1794 g.; Stock 179. List 1. Dos. 131. P. 208–209. G. I. Shelikhov – I. A. Pilyu, 8 marta 1794 g.; P. 211–211v. K. Laksman – Ekaterine II, 5 dekabrya 1795; Stock 1331. List 4. Dos. 139. P. 9–13. Devyat' planov krepostei, vzyatykh iz yaponskoi grazhdanskoj arkhitektury», Yaponiya, vtoraya polovina XVIII v.; P. 62. Karty, predstavlyayushchie ostrova Kamchatskie, Kuril'skie i prochie, Yaponiya, vtoraya polovina XVIII v.

Shchepkin, V. V., Kartashov, K. M. (2017). “Ritual i zakon”: priem ekspeditsii Adama Laksmana v Yaponii [“Ritual and Law”: Reception of the Expedition of Adam Laxman in Japan]. In *Yaponiya. Ezhegodnik*. No. 46, pp. 169–180.

Wells, D. (2021). *The Russian Discovery of Japan, 1670–1800*. N. Y., Routledge. 176 p.

The article was submitted on 22.01.2023